

Наука в лицах

УДК 303.62 + 57

DOI 10.62139/2949-608x-2026-4-2-67-85

«Мне очень повезло с родителями...»

Балезин Александр Степанович

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

Статья представляет собой интервью с известным отечественным ученым Александром Степановичем Балезиным, доктором исторических наук, профессором, главным научным сотрудником отдела региональных исследований (центра африканских исследований) Института всеобщей истории РАН. Воспоминания А.С. Балезина посвящены его родителям – выдающимся ученым, внесшим значительный вклад в фундаментальную и прикладную науку. Отец, Степан Афанасьевич Балезин (1904–1982), химик, основатель школы ингибиторов коррозии металлов. Мать, Тамара Иосифовна Балезина (1913–2010), вирусолог и микробиолог, участвовала в получении отечественных пенициллина и интерферона. Родители А.С. Балезина пережили различные периоды истории государства, были свидетелями организации новых исследовательских направлений и научных институтов, стояли во главе научных лабораторий, являлись авторами изобретений, имеющих большое народно-хозяйственное значение.

Ключевые слова: научная династия, ингибиторы коррозии металлов, вирусология, микробиология, пенициллин, интерферон, С.А. Балезин, И.В. Курчатов, Т.И. Балезина, З.В. Ермольева

Цитирование: Балезин А.С. «Мне очень повезло с родителями...» // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. 2026. Т. 4, вып. 2. С. 67–85.

“I was very lucky with my parents...”

Alexander S. Balezin

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article is an interview with a renowned Russian scientist, Alexander Stepanovich Balezin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Principal Research Fellow at the Regional Studies Department (Center for African Studies) of the Institute of World History

under the Russian Academy of Sciences. A.S. Balezin reminisces about his parents, prominent scientists who made significant contributions to fundamental and applied science. His father, Stepan Afanasievich Balezin (1904–1982), was a chemist and founder of the school of metal corrosion inhibitors. His mother, Tamara Iosifovna Balezina (1913–2010), a virologist and microbiologist, participated in the production of domestic penicillin and interferon. A.S. Balezin's parents lived through different periods of Russian history, witnessed the emergence of new research fields and scientific institutions, headed scientific laboratories, and authored inventions of profound significance for the country's national economy.

Keywords: scientific dynasty, metal corrosion inhibitors, virology, microbiology, penicillin, interferon, S.A. Balezin, I.V. Kurchatov, T.I. Balezina, Z.V. Yermolyeva

Изучение научных династий в различных аспектах представляет интерес не только для историков науки, но и для психологов, изучающих такие феномены, как социализация, предрассудки, лидерство, ролевые позиции людей в обществе, гендерные особенности поведения. Достаточно распространено мнение, что дети известных ученых продвигаются по служебной лестнице, получают ученые степени и звания, публикуются в престижных изданиях только благодаря своим родителям, имя которых становится зеленым светом для научной карьеры потомков. Некоторая доля правды в этом суждении существует, но не стоит следовать стереотипам, так как наука, как и любой социальный институт, развивается не по строгим правилам, а подвержена влиянию различных внутренних и внешних факторов. В науке переплетаются не только идеи, но и множество человеческих судеб, индивидуальных стратегий поведения, социальных и культурных контекстов. Попробуем на конкретном примере восстановить траектории научных биографий супругов, Степана Афанасьевича и Тамары Иосифовны Балезиных, которые считаются «пионерами» в отдельных научных областях: химии ингибиторов коррозии металлов, медицинской микробиологии и вирусологии. Для сбора необходимой информации мы взяли интервью у их сына, Александра Степановича Балезина, тоже связавшего свою жизнь с наукой, но с наукой гуманитарной, а точнее, с историей. Он работает в отделе региональных исследований (центр африканских исследований) Института всеобщей истории РАН. А.С. Бalezin долгое время собирал архив своих родителей, который передал в Государственный центральный музей современной истории России. Однако кроме документальной памяти существует еще и человеческая память, способная сохранять, удерживать и восстанавливать информацию о прошлом, позволяющая воссоздать атмосферу, в которой человек рос и воспитывался, понять мотивы поведения близких людей, оценить, спустя время, их нравственные ориентиры и общечеловеческие ценности. Именно эту живую, откровенную и эмоционально окрашенную информацию мы попытались получить у нашего респондента.

Р.А. Фандо: Александр Степанович, расскажите, каким вы запомнили своего отца? Каким он был дома, вне лаборатории, вне работы?

А.С. Бalezin: Когда я родился, ему было 50 лет. Я поздний ребенок. Когда мы гуляли вместе, отца часто спрашивали: «Это ваш внук?». Он с гордостью отвечал: «Нет, сын!» – в таком возрасте родил сына.

Рис. 1. Александр Степанович Балезин и Роман Алексеевич Фандо

Отец работал с 1938 г. в МГПИ им. Ленина, где после войны он сумел организовать при своей кафедре проблемную лабораторию по ингибиторам коррозии металлов. В системе пединституты это был единственный случай! Мама говорила, что на старших детей у него никогда не хватало времени, а для меня он выкраивал время, ходил со мной на лыжах, в баню.

Он всегда был чем-то занят, его любимое высказывание: «Отдых – это перемена работы». Любил дачу, мы с ним беседку худо-бедно построили, забор отремонтировали... Он мог все делать своими руками, любил возиться в земле, а я терпеть этого не могу. Он же из крестьянской семьи. Когда он сильно состарился, мы приезжали на дачу, папа садился куда-то под дерево и говорил, что мне нужно сделать, где вскопать, и я все это с недовольной миной делал. Он, действительно, не боялся никакой работы, за все брался и голодным бы никогда не остался. При том, что мы с мамой старались, чтобы еда всегда была приготовлена. Готовить я начал, потому что кончились домработницы, помню, класса до седьмого они у нас были. Маме нужно было идти на работу к десяти, а нам с папой – раньше, поэтому мы вставали одновременно, я делал ему два горячих блюда на завтрак, он любил плотно позавтракать. Это отголоски крестьянской жизни: утром ешь сытно и уходишь в поле на целый день.

И.В. Созинов: Расскажите подробнее о его родителях.

Рис. 2. Степан Афанасьевич и Тамара Иосифовна Балезина.
Начало 1940-х годов. Источник: личный архив А.С. Балезина.

А.С. Балезин: Его родители из Уфимской губернии (сейчас это территория Пермского края), деревня Володинская Чернушинского района. Умерли они очень рано, в двадцатых годах. Отец (мой дед) был грамотный, во время войны был в деревне писарем на общественных началах. Я отдал в музей фотографию моей бабушки Пелагеи Маркеловны, эта фотография всегда висела над кроватью отца. Она родила 16 детей, а выжило только 9, тогда смертность была высокая. Умер – Бог дал, Бог взял. Мой отец был девятым ребенком! Какие-то родственники по линии отца меня периодически находят.

Р.А. Фандо: А как он из крестьянской среды стал ученым? Что привело его в химию?

А.С. Балезин: Судьба у моего отца была совершенно удивительная, он был настоящий самородок, которому учителя церковно-приходской школы собрали деньги на то, чтобы он продолжил свое обучение. После революции он закончил Герценовский пединститут и очень любил Ленинград, Москву не любил. Потом был Институт Красной профессуры, в котором он учился сразу на двух факультетах, естественном и историко-философском, где на всю жизнь полюбил историческую литературу. В период уже моего обучения в аспирантуре он читал «Наполеона» Манфреда¹ и спросил меня, знаю ли я этого историка, а я не просто знал, но и в компании из восьми человек аспирантов нес гроб с его телом с четвертого эта-

¹ Манфред Альберт Захарович (1906–1976) – советский историк-франковед. С 1945 г. старший научный сотрудник Института истории АН СССР, после разделения института и создания Института всеобщей истории АН СССР в 1968 г. стал заведовать сектором истории Франции.

жа нашего старого здания на улице Дмитрия Ульянова. Вот таким было мое знакомство с Манфредом.

После развода с первой женой, которой он все оставил, он переехал в Самару (тогда Куйбышев), где работал в мединституте. Там он встретился с моей мамой, которая была аспиранткой, и они поженились, у них было 10 лет разницы. После этого он прошел по конкурсу на заведующего кафедрой в Московский пединститут имени Ленина в 1938 г., и с тех пор, до самой смерти, он там работал. Докторскую защитил в 1942 г. по синтезу сахаров из формальдегида, однако делом всей жизни стала тема ингибиторов коррозии металлов, для которой он сумел пробить проблемную лабораторию, единственную в системе пединститутов страны.

Он также был долгие годы связан с журналом «Химия в школе», был его главным редактором, а затем председателем редсовета, и его знали все учителя химии в стране, потому что все они читали этот журнал. Вел курс лекций по физхимии, выходили бесконечные учебники. Я до сих пор помню его «со спины»: у окна стоял стол, и он все время что-то писал, над чем-то работал. Много лет он водил машину, и если она ломалась, это была трагедия, мне приходилось писать ему как добраться до работы общественным транспортом, из какого вагона выйти и т.п. И при этом ему очень легко удавалось найти общий язык с самыми разными людьми. Все, что я мог выжать из домашнего архива про его детство, было опубликовано в небольшой книге в серии «Научно-биографическая литература».

И.В. Созинов: Эта серия имеет давнюю связь с нашим Институтом, как вы готовили это издание?

А.С. Балезин: Мама очень хотела сохранить память об отце и делала все возможное для этого. Отец подготовил 150 докторов и кандидатов наук. Один из его учеников, Надир Каримович Надилов², дослужился до главного ученого секретаря Казахской академии наук, и он сказал, что пробьет книгу об отце, надо ее обязательно делать. Трое ближайших учеников папы подготовили книгу, я написал на основе домашнего архива биографический раздел. Рукопись принес Зинаиде Кузьминичне Соколовской³, официально за авторством Надилова, нам важно было, чтобы она вышла, мы работали за идею. В этот самый момент, а это уже перестройка, кто-то упрекнул Надилова, что он издает по несколько монографий в год, стало быть, не сам пишет, и нашу книжку рассыпали на стадии набора. Мы очень расстроились, но Зинаида Кузьминична посоветовала подать ее заново под своими фамилиями и всячески помогала ее продвигать, после чего она вышла в знаменитой академической серии «Научно-биографическая литература».

² Надилов Надир Каримович (1932–2021) – советский и казахстанский химик, академик АН Казахской ССР (1983). В конце 1950-х гг. учился у С.А. Балезина в аспирантуре Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина.

³ Соколовская Зинаида Кузьминична (1927–2014) – историк науки и техники, библиограф, биограф. С 1956 г. работала в Институте истории естествознания и техники АН СССР/РАН. С 1961 г. ученный секретарь редколлегии общеакадемической серии «Научно-биографическая литература».

Р.А. Фандо: А какая судьба у вашего семейного архива?

А.С. Балезин: Дома, я боюсь, не осталось почти ничего, потому что мы отдали основную массу документов, ордена и медали отца и т.п. в архив. Кто-то из коллег сказал мне: «Не отдавайте в ГАРФ, потому что вы потом ничего не получите». Посоветовали отдать архив в Музей современной истории России (бывший Музей Революции). После маминей смерти я отдал туда и множество ее документов, они попросили и мои. В архиве Музея сформирован единой фонд нашей семьи. Дома осталось несколько маминих документов и фотографии, их довольно много. Когда была подготовлена и вывешена на сайте скандальная диссертация Шерстневой⁴, в которой она писала, что вообще никакого своего пенициллина у нас в стране не было и весь пенициллин был только американский, ей порекомендовали сходить в ГЦМСИР и посмотреть хранящуюся там мамину диссертацию 1944 г. Она сняла диссертацию с защиты, ознакомилась с диссертацией мамы и защитила свою с некоторыми исправлениями⁵.

Р.А. Фандо: Ваш отец, как крупный специалист по химии, какое оказал влияние на ваше становление как историка?

А.С. Балезин: Сначала мне нравилась химия неорганическая, но когда в школе началась органическая химия, интерес стал пропадать. Я, конечно, хотел быть химиком, чему страшно был рад наш учитель химии Виктор Лаврентьевич Трякин. Он был одним из лучших в Москве. Я учился в 3-й «немецкой» школе в Чапаевском переулке (теперь она имеет номер 1249), и так получилось, что Виктор Лаврентьевич учил также моих брата и сестру (они учились в соседней школе номер 144, напротив бывшего кинотеатра «Ленинград»), которые не блистали в химии, а я его радовал. Он был абсолютно уверен, что я буду заниматься химией.

Но потом случилась поездка в Индию, особая страница в биографии отца (и моей тоже). Сначала он не хотел туда ехать, однако потом согласился и возглавил группу экспертов ЮНЕСКО в Индии по преобразованию школьного образования (в этой группе был один швед, один американец, остальные наши). Его группа ни много ни мало сделала для Индии учебники и программы на все штаты по химии, математике, биологии, физике. Гуманитарные программы там особо никого не интересовали, ведь они у нас были перегружены марксизмом. Подготовка программ буксовала, пока не приехал отец, а поскольку он был очень контактным человеком, то сразу обзавелся нужными связями, стал вхож в соответствующие министерства и дело сразу пошло. Три года он работал в этой группе, и его уговаривали остаться еще, но он вернулся на кафедру в Москву. Он не стал цепляться за большую, чем в СССР зарплату, за отдельный дом со слугой.

⁴ Шерстнева Елена Владимировна (1966 г.р.) – историк медицины, доктор медицинских наук (2025). С 1999 г. сотрудник Национального научно-исследовательского центра общественного здоровья им. Н.А. Семашко.

⁵ Диссертация Т.И. Балезиной вместе с другими архивными и печатными материалами послужила основой для статьи В.А. Горшкова-Кантакузена «Тамара Иосифовна Балезина: история женщины, открывшей советский пенициллин // Антибиотики и химиотерапия. 2025. Т. 70. № 11–12. С. 100–109.

Когда я учился в 9 классе, я ездил к родителям в Индию на зимние каникулы, а вернулся назад только 15 февраля. Если бы я задержался на несколько дней, то смог бы посетить семейство Рерихов, которые пригласили моих родителей в гости, но мне хотелось вернуться в школу и теперь я понимаю, какого же я лишился удовольствия. Эта поездка, конечно, абсолютно переориентировала меня на тему Востока, в 10 классе я стал ходить в школу молодого востоковеда в Институте восточных языков при МГУ, делал доклад по Индии на семинаре и мечтал, что буду заниматься Индией. Но случилось, что вместо Индии получилась Африка. И отец, конечно, очень расстраивался, он не понял, что это было не только изучение языка, но и изучение истории. Когда он это понял, он смягчился, но все равно расстраивался, что я не по его стопам пошел.

И.В. Созинов: Вы помните какие-то интересные рассказы о выдающихся ученых, с которыми был знаком ваш отец?

А.С. Балезин: Помню, мне были интересны рассказы, связанные с атомной бомбой, дома у нас бывал Курчатов⁶, но я его не застал. Мама рассказывала, что они дружили и первые годы после всей этой истории он приезжал к нам.

Р.А. Фандо: Кого еще вы запомнили, кто был причастен к атомному проекту?

А.С. Балезин: У нас дома бывал до последних лет жизни полковник Старинов Илья Григорьевич⁷, с которого вся эта история началась. Поразительно, что уже в бытность мою сотрудником Института всеобщей истории я услышал его имя и там. Как-то мы ехали в лифте со Светланой Петровной Пожарской⁸, специалисткой по Испании, и она рассказывает, что испанский король предлагал Старинову четырехкомнатную квартиру в Мадриде и он отказался. А с детства я знал, что во время войны на Кривой косе партизаны взяли в плен немецкого офицера, у которого в блокноте нашли какие-то формулы. Старинов, в то время заместитель начштаба партизанского движения Украины, привез блокнот папе, который был старшим помощником уполномоченного ГКО по науке Кафтанова, так они познакомились и дружили всю жизнь. Стали разбираться, папа кого-то привлек и поняли, что речь идет об атомной бомбе, сразу запросили экс-

⁶ Курчатов Игорь Васильевич (1903–1960) – советский физик, один из родоначальников советского атомного проекта, академик АН СССР (1943), основатель и первый директор Института атомной энергии (1943–1960).

⁷ Старинов Илья Григорьевич (1900–2000) – советский военный деятель, полковник, участник Гражданской войны в Испании, советско-финской войны, Великой Отечественной войны. В 1942 г. захватил «атомную тетрадь» убитого немецкого физика-ядерщика Г. Вандервельде и передал ее руководству Государственного комитета обороны. В тетради оказались данные о разработке немцами атомной бомбы.

⁸ Пожарская Светлана Петровна (1928–2010) – советский и российский историк, специалист по истории Испании XIX–XX вв. С 1958 г. сотрудник Института истории АН СССР, после разделения института и создания Института всеобщей истории АН СССР в 1968 г. стала работать в отделе истории нового Института всеобщей истории АН СССР/РАН.

пертные оценки. По-моему, Иоффе⁹ дал отрицательный отзыв, мол, война, не до этого, но были и положительные оценки, после чего папа подготовил докладную записку на имя Сталина, причем утаил отрицательный отзыв. В разговоре с Кафтановым, передавшим докладную, Сталин спросил, сколько это будет стоить, Кафтанов назвал сумму 20 миллионов, получив ответ, что это «небольшие деньги, можно рискнуть». Так все началось, отец выбивал аттестаты, 200 человек вызвали, нашел помещение, где теперь стоит «голова профессора Доуэля»¹⁰, недостроенный ВИЭМ. Именно мой отец предложил привлечь молодого и перспективного Курчатова, так как помнил слова, что «новую войну нельзя выиграть со старыми генералами».

Илья Григорьевич [Старинов] вот до самой смерти отца приходил, и мы у него дома бывали на Октябрьском поле. И больше того, я вам скажу, что когда он узнал, что я работаю внештатным переводчиком ЦК КПСС, то он меня попросил устроить ему там, в международном отделе ЦК, свидание, чтобы поделиться своими соображениями о подготовке военных кадров. Я стеснялся к кому-то обращаться, но раз такой человек попросил, я не мог ему отказать. С Урновым¹¹, по-моему, он встречался, который потом стал замзав международным отделом ЦК КПСС.

И папа, конечно, вот эти истории любил рассказывать. И, конечно, очень любил лекции, он любил студентов. И хотя он не отвечал за педагогическую практику студентов, он всегда посещал пробные уроки. Это была его любимая тема, как оговаривались студенты на уроках, как оговаривались школьники. Например, как бедный дрожащий студент говорил: «Берем брюнетку, зажимаем в штатив». Вместо – *бюретку*. Или девочка отличница с первой парты подходит к практиканту и говорит: «Пожалуйста, дайте мне другую флиртовальную бумажку, а то у меня никак не флиртуется». Вообще, надо сказать, что в доме у нас всегда рассказывали анекдоты. И мама, и папа, и дедушка. И никогда никаких скабрёзных. От папы я слышал матерное слово уже взрослый один раз в очень смешном контексте. Но больше никогда ничего. А вот анекдоты всегда. И всегда было весело.

И.В. Созинов: Как родители проводили свободное время?

⁹ Иоффе Абрам Федорович (1880–1960) – русский и советский физик, академик (1920). В 1918 г. создал и возглавил физико-технический отдел Государственного рентгенологического и радиологического института, в 1921 г. стал директором Физико-технического института, созданного на основе отдела (в настоящее время этот институт носит имя А.Ф. Иоффе), с 1932 г. директор Агрофизического института.

¹⁰ Речь идет о памятнике И.В. Курчатова (скульптор И.М. Рукавишников), открытому в 1971 г. напротив Курчатовского института. Монумент представляет собой пятиметровую голову ученого и расположен на площади Академика Курчатова. В этом районе в 1937 г. начинали строить корпуса Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ), однако часть недостроенных зданий в 1943 г. были переданы Лаборатории № 2 АН СССР, которой руководил И.В. Курчатов.

¹¹ Урнов Андрей Юрьевич (1937–2025) дипломат и государственный деятель, доктор исторических наук, был заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС, первым послом СССР/России в Намибии, сотрудником Института Африки РАН.

А.С. Балезин: Родители были очень заняты, но при этом они ходили в театр, смотрели какие-то премьеры. И я помню их короткие рассказы об этом. Родители возвращались поздно, когда я уже спал. А вот утром следующего дня они это еще обсуждали. Кто там плохо играл или хорошо играл, что понравилось, что не понравилось.

И мне кажется, что чуть ли не каждую неделю, довольно часто у нас в доме были гости. Дом был широкий, хлебосольный. А гости были совершенно разные, т.е. не только ученые, коллеги. Люди вообще разные. Совершенно разные. На столе не было ничего особенного, тогда без блата трудно было достать что-то, у моих родителей его не было. Было то, что было. На Новый год всегда у нас собирались, я это помню. То есть дом был всегда открытым для гостей. И у меня это тоже осталось на всю жизнь. Родители общительные были, очень общительные. Аспиранты для них были как дети. Они их подкармливали. Мы никогда не обедали одни. Мама, конечно, совсем не умела с деньгами обращаться, тратила их быстро. Хотя она сама была старшим научным сотрудником, она 300 рублей получала в месяц. Это были хорошие деньги по тому времени. Папа ее спрашивал: «Тамара, ты вообще зарплату получаешь или как?». Потому что она могла детям и родственникам там сунуть, туда-сюда... Приходят вот люди, а вы будете такое первое или такое? Такое второе или такое? Даже, если что-то оставалось, все равно готовили новые блюда. Вот когда мы сели с мамой на ее пенсию и мою маленькую зарплату, я взял это в свои руки. У меня от папы осталось первое правило: все коммунальные платежи делать заранее, месяцем раньше. Второе правило: никогда ни у кого ничего не одалживать. А третье правило уже завел я: пока не съели одно, не готовим другое. Потому что готовили в больших масштабах. Все время кто-то у нас жил, даже жили месяцами. У мамы была институтская подруга, тетя Валя, которую гнобил зять. Поэтому она любила приехать к нам и месяцок-другой пожить.

Р.А. Фандо: Какие переломные моменты были в карьере Степана Афанасьевича?

А.С. Балезин: На моей памяти переломных моментов у отца особо не было. В годы моей юности он уже был почетным старейшиной в МГПИ, он же был членом партии с 23-го г., участником Гражданской войны, организатором комсомола в Предуралье. Когда он выступал на открытых партсобраниях, то народ сбегался, потому что он мог себе позволить сказать что-то такое, ну, не прямо уж диссидентское, конечно, но что-то такое, чего не говорят. То, что стали потом говорить при Горбачеве, я слышал от него в детстве на кухне. Что нам нужна свобода выезда, многопартийная система, частная собственность. Папа, бывало, придет и скажет, что в этой обувной мастерской меня гнобили, а был бы мастер частником, он бы мне все это сделал быстро и качественно, еще бы, мол, спасибо сказал. То есть вот такие вещи он понимал, он просто не дожил до перестройки. Он умер в 1982 г.

Для меня это тоже задним числом, конечно, было удивительно, потому что, так сказать, у него партийная биография. Причем ему очень повезло,

он сам говорил, что Куйбышевский обком партии, членом которого он был, когда отец приехал в Москву, пересажали и перестреляли. То есть вот ему так повезло. Потому что, в принципе, могло быть и хуже. Сильно. Он же работал сначала во Всесоюзном комитете по делам высшей школы (ВКВШ), но кафедру он не оставлял никогда. Всю войну он читал лекции, обязательно. Потом был Государственный комитет обороны, потом Отдел науки в ЦК. И он оттуда ушел. Он написал письмо Кузнецову¹², чтобы его отпустили, так как у него появилось желание заняться новой перспективной для народного хозяйства темой. Потому что зрел разгром генетики, кампании в других науках. Он понимал такие вещи. Что касается самой научной карьеры, то хорошо помню и 60-летний, и 70-летний юбилей. Какое-то невероятное количество народу приходило его поздравить. У нас этих адресов юбилейных было несколько сотен. То есть движение его в профессии было более-менее ровное.

И.В. Созинов: Какие книги, фильмы, музыка ему нравились? Повлияли ли эти интересы на его научные исследования, или это были непересекающиеся сферы?

А.С. Балезин: Поскольку папа был человеком разносторонним, трудно выделить какие-то увлечения. Относительно музыки. Его старшая дочь от первого брака, Соня, говорила, что папе все равно что слушать, будь там хор Пятницкого или Лунная соната Бетховена. Важно, чтобы играло радио. Он всегда работал под музыку. Рисовал он много. Он не был профессиональным художником, но любил что-то такое зарисовать. И руками он любил, конечно, что-то мастерить. В отношении коллекционирования, он собирал спичечные этикетки. Был альбом с этикетками, мы его отдали.

Р.А. Фандо: Эти увлечения как-то переключали или, наоборот, вдохновляли его на какие-то научные поиски? Или просто расслаблялся человек?

А.С. Балезин: Он просто расслаблялся. Вот на этой фотографии (показывает фото) мы с отцом и со старшим братом рассматриваем этот самый альбом с этикетками. Он это дело любил. Еще он любил драматический театр, да, особенно если это исторические какие-то постановки. Все, что касалось истории. И фильмы исторические он очень любил. Фильм «Петр Первый» с Симоновым¹³, тогдашний. Вот такие вот вещи он любил и мог пересматривать.

Р.А. Фандо: А могла эта тяга к истории привести его к истории науки? Ну, у него же есть книга «Выдающиеся русские ученые химики»¹⁴.

¹² Кузнецов Василий Васильевич (1901–1990) – советский политический и государственный деятель. Председатель Президиума Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (1944–1953), член Оргбюро ЦК ВКП(б) (1946–1952), член ЦК КПСС (1952–1989), первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР (1977–1986). С 1953 г. на работе в МИД СССР.

¹³ Симонов Николай Константинович (1901–1973) – советский актер, лауреат трех Сталинских премий (1941, 1947, 1950), исполнитель ролей в фильмах: «Чапаев» (1934), «Петр Первый» (1937), «Сталинградская битва» (1949), «Человек-амфибия» (1961), «Рабочий поселок» (1965) и др.

¹⁴ Балезин С.А., Бесков С.Д. Выдающиеся русские ученые химики. М.: Учпедгиз, 1953. 216 с.

Рис. 3. Слева направо: Марк Степанович, Степан Афанасьевич и Александр Степанович Балезины (рассматривают альбом с этикетками). 1957 г.

Источник: личный архив А.С. Балезина.

А.С. Балезин: Есть. Он любил это все. И он студентам об этом рассказывал. Был ли у него спецкурс по истории химии, я не уверен, но он все это любил. И, значит, соответственно, они все это обсуждали, и он же переиздавал эту книгу. То есть он где-то в библиотеках рылся, я не думаю, что в архивах. В общем, его это направление ему тоже было интересно.

Р.А. Фандо: Я думаю, он многих великих химиков сам застал.

А.С. Балезин: Он слушал лекции Каблукова¹⁵, про которого ходило множество анекдотов. Папа уверял, что это все правда. Каблуков говорил: «Попа колбнула и вырвала студентке три глаза, один палец. Ой, наоборот, один палец и три глаза». Или, когда умер Дмитрий Иванович Менделеев, он тут же, со слов Каблукова, «прислал мне телеграмму», и «я поехал его хоронить, как удачно, заодно и умер Мендельшуткин» – так он зазывал Меншуткина¹⁶.

Р.А. Фандо: Степан Афанасьевич водил автомобиль или любил велосипед, или любил пешком ходить?

А.С. Балезин: Он очень любил велосипед. Он, кстати, меня приучил к велосипеду. Машину он водил много, и мне трудно уже судить, насколько

¹⁵ Каблуков Иван Алексеевич (1857–1942) – русский и советский химик, Почетный член Академии наук СССР (1932). Занимался изучением электропроводности электролитов в органических растворителях, термохимическими реакциями, химическим синтезом.

¹⁶ Меншуткин Николай Александрович (1842–1907) – русский химик, ближайший коллега и друг Д.И. Менделеева. Основные работы посвящены скорости органических реакций и химическому синтезу. Популяризатор химической науки, автор учебника по аналитической химии, историк химии.

аккуратно. Без машины он чувствовал себя беспомощно, потому что по Москве он, конечно, ездил только на машине.

И.В. Созинов: А дома он ставил какие-нибудь лабораторные опыты? Была ли у вас дома лабораторная посуда?

А.С. Балезин: Нет, нет, нет. Зачем? У него же была лаборатория. У меня даже не было набора «Юный химик». И отец меня не заставил его купить. Как-то вот обошлось.

И.В. Созинов: Но вы в лаборатории у него были?

А.С. Балезин: Конечно, я неоднократно бывал. Потом в последние годы я же их обоих возил на работу. И папу, и маму. Причем в разные концы города. Я был аспирантом, у меня был все-таки более свободный режим. Я мог маму отвезти в Щукино в Институт вирусологии, а папу к ВДНХ, на биохимический факультет МГПИ, а вечером забирал их. Потому что ему было уже трудно ездить за рулем. И маме тоже. Мама ведь ездила за рулем с конца 40-х гг. И много ездила.

Р.А. Фандо: А Степан Афанасьевич до какого года работал в лаборатории?

А.С. Балезин: Папа умер в 1982-м, и работал он практически до конца. В 1980-м он ушел в консультанты, после смерти моего брата Марка. Я думаю, что это трагическое событие, конечно, подкосило обоих. И я его умолял не переходить в консультанты. Я говорил: «Папа, если уходить, то всем». Но вот он не мог бросить работу, и, конечно, там его преемник поступил с ним очень плохо. Он выселил папу из кабинета заведующего, выделил папе каморку через аудиторию, в которой шли занятия. В последний месяц своей жизни он болел и довольно быстро сгорел. Так что он работал практически до последнего.

И.В. Созинов: В нашем институте в последние годы много говорят о феномене научной семьи. И вы как представитель вот той самой научной семьи можете ли как-то охарактеризовать этот феномен с вашей точки зрения?

А.С. Балезин: Не знаю, есть ли какая-то типологизация династий или характерные черты научной семьи? Понимаете, у нас же было очень по-разному. Официально в советское время считалось, что рабочая династия – это хорошо, а научная династия – это плохо. Хотя вот у Льва Зильбера¹⁷ оба сына, Лев¹⁸ и Федор¹⁹, тоже были крупными молекулярными биологами. В принципе, я думаю, что это, наверное, хорошо. Только когда я пришел в науку, я стал понимать название книги «Понедельник начина-

¹⁷ Зильбер Лев Александрович (1894–1966) – советский микробиолог, вирусолог, иммунолог, основатель советской школы медицинской вирусологии. Доказал онкогенность ряда вирусов.

¹⁸ Киселев Лев Львович (1936–2008) – молекулярный биолог, академик РАН, автор гипотезы о белково-нуклеиновом узнавании в процессе инициации белкового синтеза (1964), впоследствии получившей многочисленные экспериментальные подтверждения.

¹⁹ Киселев Федор Львович (1940–2016) – молекулярный биолог, член-корреспондент РАН, специалист в области канцерогенеза и онковирусологии.

ется в субботу». Это моя любимая книжка была и остается. Кто-то в предисловии объяснил название: ты живешь не в графике дней недели, а ты живешь в графике своего дела. Вот это, наверное, главное. Научное сообщество тоже сильно изменилось. Мой учитель Аполлон Борисович Давидсон²⁰ рассказал байку, которая ходила среди историков про второй великий перелом. «Великий перелом», это термин, введенный Сталиным в 1929 г. и означающий поворот страны к форсированной индустриализации и коллективизации. Шутили, что это был первый великий перелом, когда середняк пошел в колхоз, а потом случился второй великий перелом – это когда середняк пошел в науку. «Второй перелом» произошел после постановления о повышении зарплаты в науке и в вузах²¹. Мой папа как раз готовил это постановление. У нас в институте этих людей было сразу видно. Когда я пришел, это был целый такой пласт. Они хотели тоже где-то своих детей пристроить. В моем же случае все было иначе. Я чувствовал дух своей семьи. Мне трудно это сформулировать. Это действительно дух области интересов, уровень мышления, отношения к жизни. Конечно, понимание и поддержка. Близкие люди с большим уважением относятся к занятиям друг друга. И, кстати говоря, папа и мама с большим уважением относились именно к научным занятиям друг друга. Очень часто в семье, где, например, муж в науке, а жена, допустим, нет, постоянно бывают разногласия из-за научных занятий мужа. Приходит домой поздно, уходит на работу рано. Или, наоборот, на работу не ходят, а что-то за столом делают, непонятно чем занимаются. Нет бы там, я не знаю, в магазин сходить и белье постирать. И я знаю случаи просто уже из следующего поколения, когда вот такая пара, и жена говорит, вот чего он там зарабатывает? Пошел бы шофером, больше бы заработал.

И.В. Созинов: Ваша мама была известным микробиологом-вирусологом, участвовала в получении крустозина, интерферона. Над какой научной проблемой она работала дольше всего и считала самой важной в своей карьере?

А.С. Бalezин: Пенициллин, почему вы говорите крустозин? Это плесень так называется, а лекарство называлось «Пенициллин-крустозин ВИЭМ». В разговоре всегда использовали название «Пенициллин». Курсанов²² сказал, что это грибок близкий к *Penicillium crustosum*. А вот над какой проблемой мама работала больше, над интерфероном или над пенициллином? Дело в том, что с пенициллином уже как-то у нее

²⁰ Давидсон Аполлон Борисович (1929 г.р.) – отечественный историк-африканист, англовед, специалист по поэзии Серебряного века, академик РАН, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

²¹ Речь идет о Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР от 5 июня 1957 г. «Об оплате труда работников науки», которое структурировало оплату по категориям учреждений и ввело премирование за внедрение разработок, повысив престиж научных и вузовских работников.

²² Курсанов Лев Иванович (1877–1954) – отечественный ботаник, специалист по водорослям (альголог) и грибам (миколог), организатор и первый заведующий кафедрой низших растений МГУ.

Рис. 4. Александр Степанович и Тамара Иосифовна Балезины.
Источник: личный архив А.С. Балезина.

инициативу перехватили. Уже и антибиотики пошли, и полусинтетические пенициллины, и все такое. Кроме того, мама попала под «дело врачей», ее сократили. Она не могла даже лаборанткой устроиться, будучи кандидатом наук. У Ермольевой же было много евреев, и, в общем, их всех убрали. А папа был человеком практичным, он говорил: «Тамар, напиши монографию о пенициллине». Мама, естественно, пошла с этим к Зинаиде Виссарионовне, на что та сказала: «Тамарочка, зачем вам, я уже пишу». И, соответственно, там в этой книжке была в основном Ермольева. Конечно, мама упоминается, но так, в общем, как бы.

А интерферон, это все-таки было ее дело. С 1960-го г., наверное, когда Фадеева²³ привезла эту идею из Англии, мама над этим работала, она заведовала кабинетом интерферона в Институте вирусологии. Я до сих пор все эпидемии переносю благодаря интерферонам. Гриппферон по ощущениям напоминает вот тот лабораторный интерферон, который на этом носу (показывает на свой нос) с 60-х гг. испытывался.

Р.А. Фандо: То есть на вас проводили эксперименты с интерфероном?

А.С. Бalezин: Ну конечно, конечно! И, в общем, мы всегда в него верили. Мама всегда говорила, что она не плачет от боли, она плачет от обиды. И как-то она пришла в слезах. Был ученый совет, наверное, это было в начале 70-х гг. Был такой у них Соловьев²⁴, замдиректора, который на уче-

²³ Фадеева Лидия Леонидовна (1925–?) – отечественный вирусолог, доктор медицинских наук, профессор, руководитель отдела государственной коллекции вирусов Института вирусологии им. Д.И. Ивановского.

²⁴ Соловьев Валентин Дмитриевич (1907–1986) – вирусолог, эпидемиолог, академик АМН СССР, заместитель директора Института вирусологии им. Д.И. Ивановского (1950–1954). В 1981 г. совместно с Т.А. Бектимировым издал монографию «Интерфероны в теории и практике медицины».

ном совете сказал, надо поставить, наконец, все точки над *i*. Интерферон не имел, не имеет и никогда не будет иметь никакого практического значения. Нормально это было слушать?! И поэтому ее довольно быстро отправили на пенсию. Это был 75-й. Сейчас опять эпидемия гриппа. И опять продают гриппферон, анаферон, эргоферон. Это все «внуки» ее интерферона. Поэтому не зря она этим занималась. Она ведь отдала свою докторскую Корабельниковой²⁵. У нее была такая молодая сотрудница на 20 лет младше, которую Ермольева не терпела. Она взяла мамины материалы с удовольствием, но даже в автореферате маму не упомянула: «мы с соавторами». Ермольева говорила: «Тамарочка, мне не нужна Корабельникова-доктор, защищайтесь вы». Мама всегда отвечала: «Лучше быть живым кандидатом, чем мертвым доктором. Я разволнуюсь, получу инфаркт, зачем мне это надо?». Мама ей дала свои протоколы всех опытов. В итоге Корабельникова защитилась и стала доктором. И когда в ВАКе усомнились в том, что она все опыты делала сама лично, мама ходила туда и ее защищала.

Р.А. Фандо: Это было в Институте микробиологии и эпидемиологии имени Гамалея?

А.С. Бalezин: Нет, это было в Институте вирусологии имени Ивановского. У нее был кабинет, в новом здании. У нее на работе я бывал. А директором был Жданов²⁶. Причем Жданов к маме очень хорошо относился. Он даже обратился к маме, чтобы она ему помогла в одном, так сказать, личном деле. Его никак не разводили с предыдущей женой, они давно уже жили раздельно. Вот мама пришла на очередной суд и сказала, что уже много лет в Москве, как плохой анекдот, рассказывают в интеллигентных семьях, что некая дама удерживает своего мужа чуть ли не десятилетие с помощью партийного бюро. После маминого выступления в суде их развели. И потом он женился на Алле Букринской²⁷, от которой у него родился довольно поздний ребенок, Виктор Викторович.

А вообще, конечно, мама была поразительным человеком. Поразительны были и ее родители, Иосиф Абрамович и Лия Марковна Каплуны. Дед начинал как земский врач, а потом стал стоматологом. Бабушка выучилась на зубного техника в Москве нелегально, по чужим документам, поскольку при царе не могла покидать черту оседлости. Когда папа начал за мамой ухаживать, естественно, ее родителям это очень не понравилось. Ну, бог с ним, что он русский, но 10 лет разницы, разведенный, есть ребенок. Моя бабушка пошла на то, что она поехала из Сызрани в Москву, записалась на прием по личному вопросу к Любове Матвеевне Димент-

²⁵ Корабельникова Н.И. Экспериментальное изучение интерферона и индукторов интерферонообразования и перспективы их применения при вирусных инфекциях: дис. ... д-ра мед. наук. М., 1972.

²⁶ Жданов Виктор Михайлович (1914–1987) – вирусолог, эпидемиолог, академик АМН СССР, директор Института вирусологии им. Д.И. Ивановского АМН СССР (1961–1987).

²⁷ Букринская Алиса Григорьевна (1928–2019) – вирусолог, молекулярный биолог, член-корреспондент РАН, заведовала лабораторией биосинтеза вирусов Института вирусологии им. Д.И. Ивановского.

ман²⁸, первой жене отца. И когда та ее приняла, то бабушка задала ей один вопрос: «Вот ваш бывший муж Балезин ухаживает за моей дочерью. Но мы знаем, что у вас есть ребенок. Скажите, может быть, можно сохранить семью?». Она засмеялась и ответила: «Шли бы вы со своим Балезиным куда подальше». Бабушкин поступок был смелым для того времени. Наверное, где-то 1937 год шел. Не самое лучшее время в Москву ехать. От первого брака у папы была дочка, Софья Степановна Балезина, 29-го г. рождения она была. Вот она как раз стала химиком. Папа не мог ее заставить защитить диссертацию. Она говорила: «Зачем мне это надо?». Она преподавала химию до последнего. Потом она уже плакалась. Вот пришли молодые ребята, защитились. У них часов половина от моей нагрузки, потому что другая половина на науку. Курила она, как паровоз. Папа тоже курил, кстати. Он бросил курить незадолго до смерти. И Соня у нас часто бывала в доме. Это, действительно, поразительно, потому что по-разному люди расстаются. Тут маме опять же нужно отдать должное. У нее были очень добрые отношения с Соней, чему я был свидетелем. Соня с дочерью Ольгой бывали у нас очень часто. И, бывало, Соня позвонит, мама с ней долго разговаривала. И мама говорила: «Слушай, Соня, папа дома, может тебе дать его?». Соня отвечала: «Тамара Иосифовна, мы с вами все решили, уже не надо». Вот когда я смотрю на разведенные семьи, то вижу, как бывшие супруги просто ненавидят детей от предыдущих браков. А у нас было наоборот, ребенка от первого брака так принимали. У меня разница в возрасте с Соней была 23 года, поэтому более близкие отношения были у нее с моим старшим братом Марком²⁹. А Ольга, ее дочка, просто меня обожала, до последнего. Она умерла рано от рака крови.

Р.А. Фандо: Кого Тамара Иосифовна считала своим учителем?

А.С. Балезин: Ермольеву. При том что папа все время маму как-то подзуживал, что Ермольева же с тобой все время нехорошо поступает. Мама с Корабельниковой долго работали без лаборантов, потому что Ермольева на эту ставку устраивала свою домработницу. Потому что Зинаида Виссарионовна была абсолютно беспомощна в быту. Она не умела чайник поставить себе. Она жила с сестрой незамужней. Мать, сестра, когда они все поумирали, то оказалось, что она абсолютно беспомощна. У нее была дача в Кратово, там постоянно жила тоже домработница. В любое время Ермольева могла туда приехать, а там уже все было: еда, дом был протоплен. И она любила очень эту дачу. Мама ее на дачу возила. Потом, когда какое-то время я уже начал водить машину, я тоже возил ее несколько раз. И Зинаида Виссарионовна у нас вообще бывала дома, они с папой очень хорошо ладили.

Р.А. Фандо: А какая у нее была манера общаться? Она такая немножечко высокомерная была?

²⁸ Диментман Любовь Матвеевна (Моисеевна) (1903–1990) – советский педагог, организатор образования. Работала директором школы, директором НИИ дефектологии, руководителем отдела специальных школ Наркомата просвещения РСФСР.

²⁹ Балезин Марк Степанович (1941–1980) – советский инженер и автогонщик, чемпион СССР 1978 г.

А.С. Балезин: Она не была уж совсем высокомерной, но и доступной она тоже не была. Она все-таки осознавала свою значимость. И мужа у нее такие знаменитые были. Она была героиней. Она была женщиной необыкновенной, действительно, у нее была какая-то харизма, при том что она была маленького роста. Вот ее сотрудница всегда говорила: «Зинка шо, казачка, курносая, щекастая». Но еще раз повторюсь, она была очень харизматичной. Она сама не раз при мне рассказывала, когда она возвращалась из осажденного Сталинграда, где загасила очаг холеры, на кукурузнике, то спросила летчика, где тот будет приземляться. В центральном аэропорту. На что она сказала: «А вы не можете меня в Быково посадить, так как у меня в Кратово дача, мне туда?». Летчик отвечает: «Вы что?! Мы не можем там сесть». Она говорит: «Ну вы на малой высоте летите, я спрыгну». И она действительно спрыгнула. И тут же попала в лапы НКВД, но разобрались, отпустили. Она безбашенная такая была. Но мама, я говорю, к ней относилась всегда с большим почтением, несмотря ни на что.

Р.А. Фандо: А какие-то вещи или письма от Ермольевой у вас остались?

А.С. Балезин: Тут мне звонила Люда Фролова³⁰, которую я давно знаю. Она дочь профессора Фролова. Работы по пенициллину мама начала у них на кухне в коммуналке. Люда потом стала женой Льва Киселева. Ну вот она у меня спросила, что у меня осталось от Зинаиды Виссарионовны. Я ответил: «Люд, все, что было, мама отослала в Ригу, в Музей истории медицины имени Павла Страдыня». Тогда это был единственный музей истории медицины в СССР. Кто же знал, что это все уйдет безвозвратно.

И.В. Созинов: Были ли у Тамары Иосифовны ученики?

А.С. Балезин: У нее была аспирантка Лариса Корнеева из Минска. Она защитилась. Она занималась интерферонами. И я помню, что они меня брали в Сухумский обезьянник. Я даже им ассистировал. Им нужен был третий человек. Один держит обезьянку, другой колет и берет кровь, а третий пишет.

И.В. Созинов: Вы держали обезьянку?

А.С. Балезин: Да, держал обезьянку. Это были маленькие макаки. Я их не боялся. Они симпатичные. И в вирусологическом боксе я маме ассистировал со всеми этими лампами. Вот так я был погружен в медицинские исследования. Видимо, поэтому я бесконечно сейчас всех лечу. Я же медицинский ребенок. Была у нас одна сотрудница, уже ныне покойная. Она принципиально к врачам не обращалась. Только ко мне. По всем вопросам. И время от времени я ей говорил: «Да, я конечно доктор. Но я доктор исторических наук. Это, в общем, не совсем одно и то же». Мама же училась на лечебном факультете, потом перевелась на санитарно-гигиенический факультет. И когда я спросил почему, она сказала, что была на практике, а там самые больные дети, которым она не могла всем сразу по-

³⁰ Фролова Людмила Юрьевна (род. 1938) – отечественный биохимик и молекулярный биолог, доктор медицинских наук, профессор.

мочь, всех вылечить, психика ее не выдержала. Поэтому приняла такое решение. Тем не менее, выйдя на пенсию, она открыла комнату здоровья при нашем ЖЭКе на Новопесчаной и вела там еженедельно прием. С ней потом невозможно было ходить по району: все старушки останавливали ее и задавали медицинские вопросы.

Р.А. Фандо: Тамара Иосифовна была членом партии?

А.С. Балезин: Нет, никогда. Хотя она была активной комсомолкой, даже выйдя из комсомольского возраста, оставалась ей. Уже Марк был у нее. Значит, была война. И вот три члена партбюро Института ее рекомендовали в партию. Вызвали и сказали: «Мы вас видим уже членом партии». На что она ответила: «Я не могу, я не созрела». Они говорят: «Как это вы не созрели? Вы взрослая». Мама сказала: «Я не могу понять, как люди, которых мы знали как отцов революции, оказались врагами народа». Когда она дома это рассказала, то отец выпалил: «Ты совсем с ума сбрендил? Собирай себе щетку, мне узелки. За нами придут. Потому что эти трое должны на перегонки бежать на тебя донести. Если двое донесут, а третий не донесет, то посадят его». Они все трое не донесли, вот что значит научное сообщество. Это уже не только о маме, а о чем-то другом.

Еще я вспоминаю вот такой случай. У мамы была такая подруга по пенициллину, Клава Германова, которая довольно рано умерла от болезни Паркинсона. У нее был единственный сын, который, конечно, за ней не смотрел. Он женился на цеховской дочке. До этого с ним была грязная история с изнасилованием. Он был подонок отъявленный. Он закончил медицинский институт, а так как его тесть курировал научные учреждения, то его взяли в Институт вирусологии на должность старшего научного сотрудника. Мы же ждали этих старших научных десятилетиями. И он там был персоной грата, всегда ходил в окружении прихлебательниц. И вдруг случайно он попал в коридор, где был мамин бокс. Она вышла как раз проветрить бокс и увидела его, тут же сказала ему: «А ты, подонок, что тут делаешь? Если еще раз я тебя увижу в этом коридоре, я не знаю, что я с тобой сделаю». Его оттуда ветром сдуло. Вот такая она была. Она была героическая, в общем-то. Она была независимой. Никогда она не лебезила перед начальством.

И.В. Созинов: Прожив долгую жизнь, Тамара Иосифовна застала и Российскую империю, и Советский Союз, и Российскую Федерацию. Да и, наверное, тоже видела цены в аптеках на изобретенные ею препараты и понимала, какие сверхдоходы получают фармпредприятия. Был ли у вас с ней разговор о том, что государство, наверное, не очень справедливо в финансовом плане поступило с изобретателями отечественного пенициллина и отечественного интерферона.

А.С. Балезин: Она об этом не задумывалась. Она всегда говорила мне, что ей более важно, что ее труд спас сотни тысяч жизней. И это действительно так. За несколько лет до маминой смерти я узнал, что у моей приятельницы свекровь проработала месяц на оборонном предприятии,

за это ей стали давать повышенную пенсию, как фронтовикам. Не любят сейчас это слово «фронтовик», а оно было хорошее. Мама же получала обычную скромную пенсию по старости. И я написал куда-то наверх письмо, что неужели мама, чей труд спас сотни тысяч жизней, недостойна быть приравненной к участникам войны, Я получил ответ, что, мол, ваша мама работала в гражданском учреждении, поэтому ей ничего не положено. А потом еще получил нагоняй от местного общества ветеранов, что прыгнул через их голову.

Чем она меня поражала? Она же была такой, казалось бы, идейной, но в антисталинском духе. Папа не всегда с ней был согласен. Она всегда говорила, что доживет до того времени, когда появятся площадь Сахарова, проспект Солженицына. Родители не за материальные блага жили и работали, у них какие-то другие были ориентиры. Мама родилась в городе Старобельск, на Донбассе, в Луганской области. Я помню, когда вот я поехал в Старобельск, где в музее ей была посвящена целая экспозиция, а потом в Луганске в Краеведческом музее, увидел большой портрет мамин. Они ее очень почитали, Она была почетная гражданка города Старобельска.

Р.А. Фандо: Спасибо, Александр Степанович, за ваши ответы, за уделенное нам время. Я потрясен вашим вниманием к прошлому своей уникальной семьи, к сохранению памяти о ваших родителях, их духа и нравственных ориентиров.

Беседовали: Р.А. Фандо, И.В. Созинов
28.10.2025